

Крейбиг Йозеф. История и критика этического скептицизма (выдержки)

Крейбиг И., австрийский философ и ученый; работа опубликована в 1896 г. в Вене.

Этический скептицизм новейшего времени проникнут индивидуализмом. И либерализму, и социализму, и новому конституционному государству бросают один и тот же упрек: они — системы доктринерского господства понятий и идей, подавления сильной индивидуальности и всякого свободного развития сил во имя застывших форм. Против либерализма и его морали гуманности выступает эгоистический индивидуализм Макса Штирнера... Родственно ему, но несравненно глубже, ницшевское прославление личности, сильной и мощной личности — в противоположность современным принципам нивелировки и морали сострадания... Прошло пятьдесят лет, полных событий и значения, с тех пор как прогремело имя Макса Штирнера, и теперь, если не обманывают нас внешние признаки, вновь настало время для всеобщего признания его учения и интереса к нему. И это не без основания. Творение Штирнера, труд его жизни, есть евангелие самых радикальных и смелых, какие когда-либо провозглашались, форм эгоизма и индивидуализма; и по направлению оно примыкает к Ницше, имеющему теперь особенный философский интерес. И эта книга со своей воспламеняющей силой и, к сожалению, дурно направленной гениальностью, может быть сравнима с огненными взрывами его современного брата по убеждениям и принадлежит поэтому к философии культа сильной личности.

Книга Штирнера «Единственный и его собственность» ставит себе целью показать, что мораль есть призрак, который одурманивает одержимых, и заодно с нею он хочет уничтожить навсегда все научные, религиозные и политические идеалы. Для того, чтобы понять эту точку зрения, необходимо знать направления и стремления его современников, и прежде всего эволюцию Фейербаха.

Мы не боимся упрека в том, что привели в систему учение Штирнера; наша работа была сопряжена с такими трудностями, о которых может иметь понятие только тот, кто пробовал привести в порядок и взаимоотношение мысли, разбросанные в этой длинной, местами чрезвычайно сухой и трудной для понимания книге. Но это безусловно можно сделать. И

прежде всего из потока мыслей выдвигаются две основные гранитные колонны:

«Я» создает мир — основной тезис теоретической философии Штирнера;

«Я» создает ценности — основной тезис его практической философии.

Первое положение родилось из учения Фихте, которое, со своей стороны, — дитя кантовской критики разума. Кант¹¹² учил, что данное содержание явления получает форму благодаря интеллекту, «я». Фихте, однако, говорил, что не только форма, но и материя, не «я», исходит из «я». Наконец, Штирнер на место фихтевского творческого абсолютного «я» ставит индивидуальное «я», творящее и разрушающее. Творчество надо понимать в смысле Фихте: так как причинность есть форма интеллекта и не может быть приложима к вещи в себе, то вся множественность опыта, мир феноменов не могут быть объяснимы как действие вещи в себе, а должны быть проявлением интеллекта. Посему «я» есть творец феноменов, мира и т. д. У Штирнера оно — индивидуум, единичное «я». И именно единичное «я» есть творец, ибо только оно познается нами как действительно существующее, а абсолютное «я» есть только один из продуктов нашей мысли, образование нашего интеллекта (воображение, призрак).

Штирнеровский принцип разрушения может поэтому иметь только тот смысл, что вещи благодаря тому, что они познаются как создание нашего «я», прекращают свое бытие вне нас и, следовательно, разрушаются как существования.

Соответственно этому объясняется и второй основной тезис Штирнера: единичное «я» создает ценности. «Я», которое знает лишь самого себя и свои продукты, замкнуто в себе самом и изолировано еще более, чем лейбницевская [113] монада. Оценка может иметь место лишь по отношению к «я»; ценности, как таковые, т. е. самостоятельные, не мыслимы. Они — призраки, привидения. Сущность эгоизма состоит в отрицании существования абсолютных ценностей.

После этого нашего понимания основных мыслей Штирнера мы видим, однако, у него еще один необъяснимый остаток: самоуничтожение, самоистребление, о котором он говорит во многих местах. В неясных заключительных словах, в которых дается сжато лишь самое существенное, еще раз говорится о « смертном творце, который сам себя уничтожает ». Что должно это означать? Уяснение, кажется нам, можно получить из одного положения, в котором Штирнер говорит о том, что и критика сама имеет предпосылку, ибо она предполагает, что оценка критики стоит выше «я». Но он (Штирнер) ничего не устанавливает в качестве предпосылок, даже и свое собственное «я». «Я не предполагаю себя, потому что ежеминутно утверждаю и создаю себя, и только тем становлюсь «я», что не предположен, а установлен, и опять-таки в тот момент, когда устанавливаю себя, то есть я одновременно и творец, и создание». Положение довольно причудливое. Нельзя не воскликнуть: «О святые гегельянцы!» Весь ход мыслей полон противоречий. Устанавливающее и установленное не могут быть одним и тем же — просто по закону противоречия. Если бы все же мы хотели за установленным «я» видеть второе, становящее, «я», то такой процесс продолжался бы бесконечно. Во всяком случае приведенное положение Штирнера дает некоторое разъяснение нашему вопросу: чтобы начать

совершенно без предпосылок, индивидуальное «я» должно сначала не иметь никакого содержания, должно быть «Ничто», как выражается сам Штирнер. С другой стороны, чтобы закончить свое существование, иметь исключительно собственное содержание, «я» должно в итоге вновь совершенно потерять всякое содержание, то есть все содержание «я» должно быть разрушено, благодаря чему «я» возвращается в ничто, уничтожает, разлагает себя. Самый процесс разрушения может считаться расточением жизни, прожиганием жизненной силы.

Быть может, наше толкование трудности не будет найдено вполне удовлетворительным, но оно кажется нам единственно возможным, если не выйти из затруднения (что, собственно, не является выходом), приняв мысль о самоуничтожении за нелепость, не понятую Штирнером.

Метафизическая точка зрения Штирнера, как уже было рассмотрено, есть безусловный индивидуальный идеализм (идеализм, понимаемый в теоретико-познавательном смысле).

Это основное воззрение было уже не раз подвергнуто основательному исследованию с гносеологической точки зрения, и если бы мы снова хотели подвергнуть его критическому анализу, то это было бы повторением уже давно известных рассуждений. Но если бы нам удалось показать, что метафизическое учение Штирнера в области этики вовсе не должно привести к эгоизму, то в этом смысле мы бы исполнили нашу задачу. И вот это доказательство мы и попытаемся дать ниже.

Поищем сначала общую платформу, которая признавалась бы Штирнером или в которой он по крайней мере не усомнился,— для того, чтобы получить отправную точку для нашего исследования. Штирнер решительно допускает, что «добро» в смысле человеческой радости есть то состояние, следствием которого являются действия из сочувствия, имеющие целью умножение наслаждения или уменьшение страдания других. Выражаясь кратко, людьми могут двигать три рода импульса:

1. Наслаждение от представляемого (ожидаемого) наслаждения и боль от представляемой (ожидаемой) боли, причиненной непосредственно данной личности.
2. Наслаждение от представляемого наслаждения других — сорадость — и боль от представляемой боли другого — сострадание.
3. Наслаждение от представляемой боли других — жестокость — и боль от представляемого наслаждения других — зависть.

Первая категория мотивов этической ценности не имеет, поскольку она берется без отношения к благу или страданию других; вторая соответствует хорошему, третья — злему побуждению в нравственном смысле (термин «побуждение» понимается как длительное направление воли). В переносном смысле мы должны обозначить нравственно хорошими и

те действия, которые вытекают из наслаждения от наслаждения другого и из боли от боли другого, и не только действия, но и носителя их; другими словами, мы должны распространить этический критерий как на действия, так и на действующего. Во всех случаях к действию подвигает собственное чувство наслаждения или боли, только возбудитель бывает различный. Но тогда выполнено метафизическое требование Штирнера, чтобы только собственные чувства индивидуального «я» и только собственные мысли его являлись импульсами.

Если бы побуждения, зарождающие собственные чувства, вели к хорошим поступкам, но при этом были бы чисто субъективными явлениями и не имели бы никакого отношения к объективному миру, то выставленный нами критерий ничего не потерял бы в своей силе. Убеждения, действия, лица, как и прежде, подошли бы к одной из трех категорий. Самый радикальный субъективист и идеалист ни на йоту не может отвергнуть это положение с гносеологической стороны.

До сих пор мы нарочно ни слова не говорили ни об эгоизме, ни об альтруизме. Но теперь надо рассмотреть второй вопрос: разве всякий, кто следует только собственным чувствам и собственным мыслям, есть эгоист, а его убеждение - безусловно эгоизм? Штирнер отвечает утвердительно на этот вопрос, без всяких ограничений. Мы отвечаем отрицательно, и не без основания. Название «эгоизм» имеет у Штирнера (и у Кропоткина) двойное значение: употребленное во зло — широкое, и правильное — узкое. Что каждый субъект может иметь только собственные представления и чувствовать только собственные чувства и не переживает эти феномены в душе другого,— это психологический неоспоримый факт; но этот общий основной факт не должен быть назван эгоизмом, как делают это Штирнер и другие. Подобное определение при сравнительном исследовании тотчас же будет найдено неосновательно широким, столь широким, что оно никогда так не понималось ни строго взвешивавшими термины этиками, ни в обыденном словоупотреблении. Для того факта, что можно переживать лишь собственные психические феномены, мы предложим дать название: «границы я» (Ichgrenze); эгоизмом же в узком, правильном объеме понятия мы назовем то состояние, при котором наслаждение или боль от собственного чувства развивает непомерную двигательную силу по сравнению с соперничающими наслаждением и болью других при подобных же чувствах, значит, эгоизм предполагает борьбу мотивов к различным действиям. Если, например, сытый ожидает наслаждения от какого-нибудь блюда и оставляет его себе, не отдавая этого блюда голодному и представляя себе при этом интенсивное наслаждение последнего от насыщения, то это состояние, из которого вытекает такой образ действий, мы назовем эгоизмом...

Само собой разумеется, что все поступки, вытекающие из сочувствия, должны быть при более узком определении характеризованы как неэгоистические. Но если Штирнер возражает, что, принося жертву любимому человеку, индивид думает не о наслаждении этого любимого человека, а о своем собственном, то это специальный случай, не уничтожающий этический критерий. Штирнер говорит, например: так как я не переношу вида горя, вида морщин на любимом челе, то поэтому я ради себя сглаживаю их поцелуем. Я хочу прогнать свое горе. Это же положение, более точно психологически, может быть выражено следующим образом: так как я чувствую страдание при взгляде на морщины на любимом челе, то я сглаживаю их поцелуем, чтобы устранить мою боль, мое страдание.

Проанализируем этот случай. Конечно, моя боль руководит мною как непосредственный импульс к действию, а не боль другого, представление о которой есть причина моего страдания. Моя боль (сострадания) уничтожается посредством уничтожения боли другого, причем поцелуй служит средством к цели. Благодаря оттенку, который дается здесь словам «я» и «мне», кажется, будто здесь имеет место эгоистический образ действий. Но, как уже объяснено выше, то обстоятельство, что непосредственный импульс к действию есть собственное чувство, не должно называть эгоизмом. Эгоизма в узком смысле нет в данном примере. Здесь ведь нет никакой борьбы между болью от собственной боли и болью от боли другого. Подобная борьба была бы только тогда, когда боль от собственной боли и боль от боли другого побуждали бы к различным действиям. Но здесь одно чувство не должно преодолевать другое, а потому не может быть и речи об эгоизме.

Иначе обстоит дело с тем, «хороший» ли поступок тот поцелуй Штирнера в этическом смысле. Таким он не является, ибо для квалификации его в этом смысле нужно было бы, чтобы целью поступка было устранение не собственной боли, а боли чужой — чтобы это было мотивом. Чтобы иметь этическую ценность, случай должен был произойти так: я чувствую при взгляде на полную печали морщину любимого человека боль (сострадание), и для того, чтобы устранить боль любимого человека, я поцелую сглаживаю морщину... я устраняю его боль. Образ действий Штирнера, по его описанию, наоборот, вытекает из собственной боли, т. е. (так как борьбы между мотивами и различными действиями нет) это индифферентизм. Вставлять же между состраданием и действием размышление о своем собственном чувстве — можно только в безусловно неестественном и исключительном случае, и его нельзя принять за психологический закон, как хотел бы того Штирнер: подобное размышление легко может при сильно развитом себялюбии следовать за действием, но после того, как оно уже совершилось. Штирнер, конечно, может воображать, что размышление имело место уже непосредственно перед действием. Но каждый психолог знает, как неизбежен самообман, когда отдают себе отчет в мотивах совершения действия. Если же мы, несмотря на это, примем, что Штирнер верно описал свое психическое состояние во время совершения поступка, то тогда в своем примере он дал картину индифферентизма, но не эгоизма.

Резюмируя сказанное, мы должны признать, что ни индивидуально-идеалистическая метафизика, ни психологический анализ не должны привести к тезису об эгоизме, если верно определить понятие эгоизма.

Критерий для разграничения индифферентных, добрых и злых поступков остался непоколебим.

Штирнер говорил так зло об альтруистической любви, потому что она, по его мнению, есть заповедь, догмат, долг,— словом, нечто принудительное. Это, конечно, объясняется некоторыми тенденциями сорок восьмого года. Для нас эта экзальтированная боязнь принципов, отзывающихся враждой к свободе, имеет лишь исторический интерес.

Гораздо сложнее обстоит дело со вторым вопросом основания этики: почему нужно предпочитать доброе злему — если мы хотим найти ответ на него у Штирнера. Основой штирнеровской положительной философии является, как уже сказано, следующее

положение: «Эгоистично — это значит ни одному делу не приписывать собственной или абсолютной ценности, а искать его ценность в себе самом». Индивидуальное «я» создает не только мир, но также и ценности. В создании ценностей лежит другая — практическая сторона мировоззрения эгоизма в распространенном (употребленном во зло) толковании его у Штирнера.

На первый взгляд кажется, будто основа морали потеряна, если не будет опровергнуто отрицание существования какой-нибудь внеличной ценности. Ибо ценность добра, его преимущество над злом, по мнению многих этиков, не должны быть предоставлены произвольному признанию или отрицанию единичной личности, а должны быть отчуждены от индивидуального, сделаны объективными,— словом, должны получить, в качестве «ценности по себе» всеобщее, абсолютное значение. Возможно ли по отношению к Штирнеру, с циническими издевательствами нападавшему на всякую ценность «по себе», подобное доказательство, или же должно выстроить более скромный, но зато и более прочный фундамент для этики? Посмотрим.

Прежде всего следует иметь в виду партийность Штирнера. Для каждой индивидуальности с более или менее злыми свойствами он умеет находить оправдывающее, защищающее объяснение — для соблазнителя девушек, Нерона, и прочих опасных типов; только нравственная личность не находит у него снисхождения. Он ненавидит пахнущую ладаном святость пассивной добродетели; но еще более ненавистно ему мужество горячего, сильного, нравственного характера, умеющего приносить жертвы. Но ему, проповедовавшему полнейшую внутреннюю свободу, менее всего подходило смеяться над личностью, утверждающей себя с силой нравственности, личностью, суверенно поднявшейся над мещанством очага и низменным счастьем с проститутками, до тонких аристократических воздушных сфер. Он называет такого человека одержимым. Мы поднимем брошенную им перчатку.

Не трудно найти центральное слабое место в учении Штирнера: это — наивный индетерминизм. Он распространил понятие свободной воли — в противоположность Ницше — даже на область логики. Истина есть для него создание «я». Ее можно признать, ее можно и отвергнуть — в зависимости от собственной выгоды. «Я» стоит выше законов мышления, выше очевидности, ибо ничто не выше «я».

Но что, если противоположности: «выше» «я» и «ниже» «я» вовсе не исключают друг друга, не исключают третьего? Разве логический фундамент (законы мышления и очевидность) — если он не стоит выше «я», что допускается нами — должен непременно стоять «ниже» его, то есть должен быть предоставлен произволу единичной личности, должен потерять свою всеобщность и необходимость? Существует еще третье: фундамент находится в «я».

На словах, и очевидность, и законы мышления могут, конечно, отрицаться, но не в самом мышлении. По отношению к очевидности математических суждений и известным законам мышления не может быть и речи о какой-либо свободе воли. Но даже при суждениях по

вероятности не может быть произвола...

Как же обстоит дело с ценностями? Находятся ли они выше «я», ниже его или в нем самом? Учение о детерминизме ярко освещает природу ценности: для каждого индивида оценка обусловлена его психической организацией вполне определенным и, значит, необходимым образом.

Вот почему и для этических ценностей этический фундамент получает место вне «я», соответственно месту, занимаемому логическим фундаментом... Во всяком случае и Штирнер принужден мыслить и чувствовать в том смысле, что добро хорошо, и как таковое оно лучше зла: эта оценка соответствует закону противоречия в области логики и не зависит от произвола отдельных «я».

Штирнера запугивают слова: «по себе», «для себя», «абсолютно», «свято». Их можно спокойно избегать. Основные этические оценки, которые могут быть сравниваемы с законами мышления, конечно, не имеют значения вне человека, независимо от него, в мире по себе. Они имеют значение для человека, для совокупности индивидов рода «человек»...

Может случиться, что, вопреки всем рассуждениям, всем указаниям на самособлюдение, какой-нибудь Штирнер будет утверждать: я не признаю превосходства ваших фундаментов, ваших оценок. Тогда это можно рассматривать только как психическую болезнь; и подобно тому, как у математики не будет отнята ее необходимая всеобщность, если какой-нибудь безумец будет утверждать, что суждение дважды два — четыре не очевидно, так же мало станут и этические основы призраком, привидением, если «Единственный» наложит на них свое отрицающее «нет».

Но что остается после всего этого от тезиса об эгоизме?

Не забудем в пылу битвы, за что мы должны благодарить Штирнера: он побудил предпринять заново исследование некоторых важнейших философских проблем с определенной, очень значительной стороны. Надо безгранично ценить то, что человечество время от времени пробуждается от «догматического сна», ибо то, что оно выносит невредимым из пожара скептицизма, является уже верным, положительным даром, добытым честным трудом.

Версия #2

Зверобой создал 5 апреля 2025 23:05:51

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:27:32